

ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНА РУССКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО НАРВЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ¹

ЕЛЕНА НЫММ

По неоднократным отзывам писавших о Нарве в XIX в. город не пользовался большой популярностью среди российских туристов. Одну из причин этого видели в недостатке знаний о Нарве у русских читателей и путешественников. Так, в 1845 г., предлагая вниманию читателей в еженедельнике «Иллюстрация» очерк П. Р. Фурмана о Нарве в серии «Путешествие по всей России», издатель писал: «Всегда было нашею приятнейшею мечтою сделать путешествие по безмерному царству, занимающему положительно седьмую часть земли нашей планеты <...> На первый случай мы предлагаем нашу соседку Нарву, малоизвестную не только отдаленным провинциям, но и Петербургу» [Фурман 1845: 36]. Путеводитель по Нарве должен был создать привлекательный образ города и раскрыть его туристический потенциал для русского путешественника.

Специальные издания, посвященные Нарве, появляются в России только во второй половине XIX в. Для любознательного читателя конца XVIII – начала XIX вв. были доступны географические словари, в которых можно было найти сведения не только о местоположении города, но и о его истории, населении, торговле, наиболее интересных городских сооружениях [Полунин; Максимович, Щекатов]. В середине XIX в. выходят справочные издания по Санкт-Петербургской губернии: «Описание Санкт-Петербургской губернии» И. Пушкарева (1842), «Странствователь по Прибалтийскому краю» (1861) [Пушкарев; Странствователь]. Рассказ о Нарве в этих книгах давался

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке Эстонского научного фонда (грант 6469).

в контексте повествования о других городах и местах губернии. Уже в изданиях 1770–1860 гг. складывается перечень городских объектов, достойных внимания русского путешественника: Гермейстерский замок, Ивангородская крепость, ратуша, Спасо-Преображенский собор, дворец Петра Великого.

В 1870-е гг. появляются отдельные издания, посвященные Нарве и функционирующие в качестве путеводителей по городу. Эти книги еще не следовали в полной мере классическому типу путеводителя К. Бедекера, но в них читатель мог найти исторический очерк города и рассказ о нарвских достопримечательностях. Наличие в изданиях о Нарве второй половины XIX в. культурно-исторической части позволяет функционально сблизить их с традиционным типом путеводителя. Первые русские путеводители по Нарве классического типа появляются лишь в начале XX в., однако мы можем сказать, что формирование канона осуществляется именно в изданиях второй половины XIX в.

Первая книга, целиком посвященная Нарве и ее достопримечательностям, появляется в 1873 г. [Ругодивцев]. Автором ее был уроженец Нарвы, журналист и историк Н. А. Скроботов, издававший свои сочинения под псевдонимом Ругодивцев. Появление в этом году книги о Нарве не было случайным. Выход очерка был приурочен к празднованию в 1872 г. 200-летия со дня рождения Петра I. Этой дате была посвящена и вышедшая годом ранее брошюра того же автора о дворце Петра Великого в Нарве [Скроботов]. В дальнейшем актуализация нарвской темы будет каждый раз приурочена к годовщинам событий петровского времени. Нарва в сознании не только авторов книг и путеводителей по городу, но и в сознании российского читателя начинает связываться, прежде всего, с именем Петра Великого и с событиями петровской эпохи. Эта «петровская доминанта» определит как историческую концепцию дореволюционного нарвского путеводителя, так и рассказ о достопримечательностях города.

Книга Ругодивцева четко ориентирована на повествование об историческом прошлом Нарвы. Для автора книги все судьбоносные события в истории Нарвы уже произошли. Проти-

вопоставление насыщенного событиями прошлого и «пустого» бессобытийного настоящего особенно заметно в изображении Нарвского замка и Ивангородской крепости: «Во времена московского государства замок Иван-город собирал служилых и торговых людей Москвы, Новгорода, Пскова и Ганзы, а ныне в нем стоят только церкви, да хлебные магазины; кроме сторожей в нем никто не живет» [Ругодивцев: 4].

Представленная в очерке Ругодивцева концепция истории Нарвы окажет влияние на последующие издания о городе. История Нарвы представлена здесь как соперничество разных народов за политическое и культурное господство в этом крае. Особенностью описания древнейших памятников городской культуры, которая заметна уже в издании Ругодивцева, станет указание на их поликультурность. Показательно в этом отношении описание Спасо-Преображенского собора, пережившего три религии. Будучи сначала католическим храмом, потом лютеранской киркой, а с 1708 г. ставший православной церковью, собор сохранил на своих стенах и утвари «латинские, немецкие и шведские надписи» [Там же: 13]. На колокольне, кроме колоколов шведского времени, «находится один из древнейших русских колоколов, вылитый в Москве в 1518 г.», а иконостас собора украшает православный образ святителя Николая Чудотворца [Там же: 14].

С точки зрения Ругодивцева, борьба за культурное влияние в крае осуществляется, прежде всего, в религиозной сфере. Так, в 1558 г. после взятия Нарвы русскими, «желая сделать Нарву русским городом и очистить от латинской и лютеранской “прелести”, Иоанн IV велел выстроить в ней православные церкви» [Там же: 5–6]. Соответственно, в шведское время происходит обратный процесс: православные храмы исчезают, православное население города терпит притеснения, а Нарва и Ивангород становятся «главными пунктами пропаганды лютеранизма» [Там же: 7]. Характерно, что такое «прорусское» изображение истории города определило в очерке Ругодивцева и общие оценки русского и шведского периодов Нарвы: московское второй половины XVI в. обозначено как «цветущее время в ее истории», а шведское господство «ознаменовало

себя притеснениями и насилиями над жителями покоренных мест» [Ругодивцев: 6].

Культурное противостояние в крае на религиозной почве продолжается в петровское время. Поэтому начало Северной войны Ругодивцев связывает не только с необходимостью вернуть исконные русские владения, что является традиционным для исторических повествований о Прибалтийском крае (например, [Прибалтийский край]), но и с желанием Петра освободить здешних православных от притеснений лютеран: «Начинается северная война с Карлом XII, “для защищения”, как мы читаем в одном манифесте Петра Великого, “государства своего и отобрания похищенных от России предками Карла городов и для освобождения ижорских и карельских христиан, оставивших от насилия шведского православную веру греческую и принявших закон люторский”» [Ругодивцев: 10].

Конец истории города четко обозначен в путеводителе 1704 годом. Эта дата становится рубежом, отделяющим историческое прошлое от бессобытийного настоящего. После рассказа о завоевании Нарвы Петром I исторический очерк заканчивается утверждением: «С этого времени крепости Нарва и Иван-город с их форштадтами вошли в состав русского государства и составляют город Нарву» [Там же]. Отмеченность 1704 г. в историческом повествовании о Нарве сохраняется в последующих книгах о городе. Особенно это заметно в исторических очерках о Нарве [Татлин; Крузенштерн; Феоктистов].

В книге Ругодивцева мы находим характерный для дореволюционных нарвских путеводителей перечень городских достопримечательностей. Сюда входят Нарвский замок с Германовой башней и Ивангородская крепость, ивангородские православные церкви, нарвский Преображенский собор и Дворец Петра Великого. Показательно при этом, что книга Ругодивцева не содержит рассказа о нарвской ратуше (это объяснимо общим негативным отношением автора к периоду шведского господства в Нарве).

Вышедший в 1878 г. очерк о Нарве П. Козакевича демонстрирует первую попытку выйти из своеобразного «историче-

ского тупика» 1704 года. Сохраняя представление об этом годе как о поворотной вехе в истории города, автор пытается наметить концепцию истории Нарвы послепетровского периода. В изображении истории города с момента его основания до окончательного присоединения к Российской империи мы не находим у П. Козакевича принципиально нового подхода. Автор отмечает, что на протяжении пяти столетий город «был оспариваем четырьмя различными по языку народами», очевидно, имея в виду датчан, немцев, русских и шведов [Козакевич: 4].

В то же время П. Козакевич подчеркивает, что здесь некогда «процветала всесветная торговля» [Там же]. Акцент, сделанный на истории морской торговли города, связан с профессиональными интересами автора и общей прагматикой книги. Во введении П. Козакевич подчеркивает, что отсутствие трудов по морской торговле Нарвы вынуждает его остановиться на этом вопросе особенно подробно. Как ученый-гидрограф, принимавший участие в строительстве нарвского морского рейда, автор книги большую ее часть посвящает истории строительства и укрепления морского рейда в устье реки Наровы и вопросам заграничной морской торговли города.

Отличием в изображении допетровской Нарвы у П. Козакевича стало изменение исторических оценок разных эпох в жизни города. По мнению автора, не только русское господство в Нарве сопряжено с расцветом городской жизни. Как важный торговый город и стратегический пункт Нарва обращала на себя особенное внимание со стороны всех властей. Немецкие рыцари, русские цари, шведские власти наделяют Нарву рядом прав и привилегий, способствующих росту благосостояния города [Козакевич: 6, 8, 26].

Завоевание Нарвы Петром I рассматривается сразу с нескольких точек зрения. С точки зрения истории российского государства, нарвская победа стала завершением процесса утверждения России на берегах Балтийского моря, возвращения «своего древнего достояния» [Там же: 19]. С точки зрения развития русской армии, первая неудача Петра под Нарвой в 1700 г. стала началом военных реформ, приведших к славе

русского оружия: «<...> русскому войску дан был знаменитым полководцем первый и последний урок в военном деле, озарившем то же войско бессмертной славою на полях Полтавских» [Козакевич: 4]. Однако с точки зрения развития городской жизни после присоединения к России Нарва утрачивает свое военное и торговое значение. История города после 1704 г. в издании П. Козакевича — это история мирного существования и постепенного оскудения.

Автор объясняет сложившуюся ситуацию историческим соперничеством Нарвы и Санкт-Петербурга. По мнению П. Козакевича, в разные исторические эпохи эти города были призваны играть одинаковую роль в развитии российского государства: «Нарва, служившая некогда тем историческим *окном* в западную Европу, через которое проникал свет образования в до-Петровскую Русь, должна была, волей-неволей, уступить все свои права на всемирную торговлю новосозданному Петербургу» [Там же: 62]. Таким образом, завоевание Нарвы Петром I, по мнению автора, отнимает у города его посредническую функцию в культурном обмене между западным и восточным мирами.

Повествование об истории Нарвы после 1704 г. представляет в издании П. Козакевича хронологическое изложение государственных указов и постановлений, регулирующих городскую жизнь (преимущественно торговые отношения). Важное место в книге занимает рассказ о посещении Нарвы Екатериной Великой в 1780 г. Подробное описание визита императрицы как знака монаршего внимания к городу имеет в издании, помимо прочих, и рекламную функцию (привлечения русских путешественников). В рассказ о местных достопримечательностях у П. Козакевича впервые включается описание нарвского водопада. Памятники старины выступают в книге как свидетели исторических событий. Таковы Ивангородская крепость и Нарвский замок, рассказ о которых объединен общим сюжетом, что характерно для истории становления жанра нарвского путеводителя. Звон русского колокола Спасо-Преображенского собора символически знаменовал собой смену шведского владычества в крае русским: «Долго рассматривал

я этот колокол, пробивший последний час владычеству шведов над Нарвою, но, к сожалению, надпись на нем вполне прочитать не мог, и только разобрал 15... год. Быть может взят он был в одном из русских городов, во время бывшей невзгоды для нашего отечества» [Козакевич: 71]. Характерно, что древнейший памятник городской старины вызывает в сознании автора ассоциации с петровским временем. Это еще раз подчеркивает значимость событий 1704 г. для истории города и формирования канона русского путеводителя по Нарве.

Концепция истории мирной Нарвы послепетровской эпохи и особого монаршего внимания к городу отражена в издании, подготовленном нарвскими педагогами В. Владимирским и В. Майковым [Владимирский, Майков]. Книга вышла в Нарве в 1886 г. и представляет собой роскошно изданный фотографический альбом видов города. Каждая фотография снабжена развернутым комментарием. В нем представлено больше памятных объектов, связанных с событиями петровского времени и личностью Петра. Издание рассказывает не только о дворце Петра Великого, но и о памятнике Петру, установленном городскими властями в 1872 г., о могиле русских воинов, павших при взятии Нарвы 9 августа 1704 г. Рассказ о Спасо-Преображенском соборе и городской ратуше дается также сквозь призму петровской деятельности. Авторы книги рассказывают об освящении собора в 1708 г. по православному обряду в присутствии царя и его семейства, об иконостасе, который по преданию был писан в Италии по заказу Петра. Сюжетным центром рассказа о городской ратуше становится произошедшая 11 сентября 1704 г. во дворе здания присяга жителей города на верность Петру. Можно сказать, что в издании В. Владимирского и В. Майкова «кристаллизуется» «петровский текст» нарвского путеводителя.

История Нарвы после Петра I изображается в связи с историей российской монархии. Авторы книги обращают внимание читателя на портреты русских императоров, размещенные на стенах зала магистрата в ратуше, дворца Петра Великого и мужской классической гимназии, упоминают о кресле в зале ратуши, на котором восседала по одному преданию императ-

рица Елизавета Петровна, по другому — Екатерина Великая. Объектами нарвского путеводителя впервые становятся мужская и женская городские гимназии. Авторы рассказывают о посещении мужской гимназии в разные годы русскими императорами и членами царской фамилии. Читатель узнает, что учреждение в городе женской гимназии в 1884 г. было приурочено к коронации Александра III и Марии Федоровны. Впервые в качестве достопримечательности в альбоме выступает частный дом (это нововведение оправдывается причастностью дома к истории визитов членов императорской семьи). Вид дома А. Д. Зиновьева сопровождается комментарием, что здесь останавливались вел. кн. Владимир Александрович с супругой во время посещения города в 1886 г.

Альбом В. Владимирского и В. Майкова интересен также тем, что несколько его видов рассказывают о недавно учрежденном (в 1874 г.), но быстро развивающемся курорте Гунгербург. В издании П. Козакевича рассказ о Гунгербурге еще не выделялся в отдельный текст и был дан в связи с развитием Нарвского порта. Здесь же намечается та новая составляющая нарвского путеводителя, которая станет обязательной в начале XX в. [Грюнталь]. В альбоме представлены виды морского берега, кургауза Гунгербурга и фотография дачи супруги основателя курорта г-жи Ган “Villa Carpiccio” как образчика курортной архитектуры.

Новый поворот в становлении жанра нарвского путеводителя мы находим в книге К. К. Случевского «Нарва: Ее былое и настоящее» [Случевский 1890]. В 1897 г. очерк «Нарва» был включен во второй том его путевых записок «По северо-западу России» [Случевский 1897]. Оформляя путевые записки, К. К. Случевский использует текст своего путеводителя. Незначительные изменения были связаны лишь с порядком изложения материала, который во второй книге был подчинен хронологии реального посещения Нарвы автором вместе с вел. кн. Владимиром Александровичем в 1886 г.

Повествование о городе в путеводителе Случевский строит на ярких антитезах. В качестве основной выступает противопоставление «шумного былого» Нарвы и скромного настояще-

го. Однако современная Нарва наделяется в его рассказе вполне определенными чертами крупного промышленного города. Сопоставляя красоту, мощь нарвского водопада и техническое совершенство нарвских мануфактур («колоссальнейших созданий современности»), автор колеблется в своих оценках [Случевский 1890: 29]. Сожаления об утраченной первоизданной красоте водопада сменяются восторженными похвалами человеческому разуму и современной цивилизации, победившим природу: «Право, трудно разобраться в тех впечатлениях, которые невольно одолевают посетителя: жалеть ли о дикой, пустынной красоте водопада, навсегда утраченной? Удивляться ли, или радоваться могуществу мысли человека, одолевающей неизмеримые силы природы и загораживающей своею торговою предприимчивостью эту чудесную красоту?» [Там же]. Рассказ об истории и современном состоянии нарвских мануфактур подробен и снабжен статистическими выкладками. Таким образом, современная Нарва у Случевского обретает свое лицо и ценность в противовес исторической ценности древней Нарвы.

Рассказ о прошлом города автор также строит на антитезах. Он пишет, что в Нарве столкнулись «два великих исторических течения», «два враждебные мировоззрения», католичество и православие, германо-скандинавский мир и славянский. Олицетворением этого противостояния стали Ивангородская крепость и Гермейстерский замок: «<...> и с тех пор, и по настоящий день, стоят один против другого эти два замка, бывшие противники, являя собой пример, чуть ли не единственный в свете, такого близкого, острого соприкосновения двух, когда-то вековых врагов: католического рыцарства и православной России <...> тут, не далее ста сажен один другого, столкнулись два враждебных мировоззрения двух могущественных народностей. Ближе этого и в таких размерах силы, не стояли нигде и никогда исторические борцы и, с этой точки зрения, красивейшая панорама обоих берегов Наровы, в ее средневековом одеянии, с ее неисчислимыми воспоминаниями, вполне исключительна, единственна» [Там же: 14].

Историческое противостояние двух сил на берегах Наровы, по мысли Случевского, остается неизменным вплоть до начала XVIII в., меняются лишь составляющие: раньше это были Ливония и Московия, теперь — Швеция и Петр I [Случевский 1890: 15]. Начиная свой очерк о Нарве с исторического предания о посещении Петром I в 1715 г. вдовы барона Унгерн-Штернберга в Линдене, автор обозначает поворотный пункт в истории Нарвы. Согласно этому преданию, вдова, узнав о визите царя, спрятала все имевшиеся в доме портреты Карла XII. Но Петр отыскал все-таки один портрет за печкой и проговорил: «здорово, братец Карл! теперь швырнули за печку тебя, но достаточно будет, может быть, одного сражения, чтобы и меня отправили за тобою туда же!» [Там же: 5]. Это предание становится в книге живой иллюстрацией петровской эпохи, когда в крае происходит замещение одной власти другой, причем происходит не в одночасье: шведская и русская власти как будто существуют одновременно.

Случевский по-новому трактует роль Нарвы в истории становления российской государственности. В нарвском крае, по мысли автора, лежат истоки не только новой России, но и древней Руси: «<...> отсюда или приблизительно отсюда, может быть именно этими местами, прибыли на зов обитателей русских равнин, из сторон скандинавских, основатели Руси: варяги Рюрик, Синеус и Трувор и тогда возникла древняя Россия; здесь же, в этих же местах, положено Петром Великим начало новой России» [Там же].

В очерке К. К. Случевского по-новому начинает звучать и эстонская тема. До 1890-х гг. для авторов книг о Нарве коренные народы края не составляли предмета специального интереса. О них в лучшем случае можно было найти упоминание как об объекте колонизаторских устремлений западных народов, а зачастую они и вовсе исключались из истории, как, например, в издании П. Козакевича. У Случевского эти племена появляются как объект, достойный изучения историка. По мысли автора, для современника интересно услышать голос народа, не оставившего после себя письменных памятников истории: «Если бы у древних ливов и финнов имелась лето-

писная история, она поведала бы о том, как и что обозначилось и завершилось именно здесь и около, но ее не существует и гробовое молчание со стороны народностей, бесследно исчезнувших в длинных рядах поколений, делает тем более ясными и слышными голоса противоположной стороны, своевременно сменившей их, а именно: славян, датчан, германцев и шведов, совершающих свои истории и по сей день» [Случевский 1890: 9]. Автор книги заявляет о существовании предшествующего этапа истории края, не известного нынешней науке. Историческими действующими лицами этой дописанной эпохи являются предки нынешних эстов и финнов, которые превращаются в очерке Случевского из объекта действия исторических сил в самостоятельный субъект исторического движения.

Пик интереса авторов к нарвской теме падает на 1900-е гг., за этот период вышло наибольшее количество материалов о Нарве. Отдельного внимания заслуживают вышедшие в эти годы журнальные публикации, которые рассказывают об исторических достопримечательностях Нарвы и воспроизводят канон путеводителя [Петров 1900; Муравьева; Петров 1904]. Актуализация нарвской темы была закономерной. В 1900 г. отмечалась годовщина первой битвы Петра I под Нарвой, в 1904 г. праздновалась годовщина завоевания Нарвы, а в 1910 г. — 200-летие присоединения Прибалтийского края к Российской империи.

В 1901 г. выходит в свет книга А. В. Петрова «Город Нарва». Это наиболее полное описание Нарвы среди вышедших в дореволюционный период. Авторы последующих публикаций во многом будут опираться на этот труд, зачастую прямо ссылаясь на него, иногда цитируя без ссылок. В концептуальном плане книга Петрова наследует очерку Случевского и более ранним текстам о городе. Подробный рассказ об эпохе древних эстов, реконструированной на основе археологических находок, выполняет задачу, поставленную в книге К. К. Случевского. По мысли самого А. В. Петрова, изучение древнейшей истории края позволяет сохранить «духовное общение» поколений, восстановить связь времен и культур [Пет-

ров 1901: 4]. Древний эстонец изображен как человек природы, мирно существовавший на балтийской земле. Пришедшие в этот край соседние племена нарушают идиллию естественного существования древних эстов, но в то же время приобщают их к богатому ритмами и эмоциями историческому движению: «Однообразная, унылая жизнь эстов, похожая на сон и неподвижная, как смерть, одухотворилась, заволновалась, закипела под влиянием принесенной пришельцами кровавой борьбы и смерти» [Там же: V].

История балтийского побережья и Нарвы описывается по Случевскому как столкновение «двух народных течений: славяно-русского и германо-скандинавского» [Там же]. Вслед за более ранними авторами А. В. Петров подчеркивает важность Нарвы в торговом и стратегическом отношении, ее посредническую роль в общении западного и восточного миров и поворотное значение 1704 г. [Там же: VI]. Однако в понимании истории духовной жизни города Петров вносит новые нюансы. Так, в предисловии он формулирует задачи своего исследования: «Исторически проследить все фазисы развития города Нарвы, начиная с отдаленных времен рыцарства, приподнять завесу с прошлого и разгадать тайну, которую безмолвно хранят два былые соперника — длинный ливонский Герман и русский Ивангород, развернуть рядом с картинами побоищ картину внутренней борьбы разнородных элементов в Нарве, а затем их объединения» [Там же: VII]. Появление в книге А. В. Петрова концепции синтеза культурных влияний выглядит вполне закономерным. Книга создается как своего рода итоговый труд по истории города, призванный утвердить идею благотворного влияния имперской власти на культурную жизнь Нарвы и всего Прибалтийского края.

Новая задача, поставленная в книге А. В. Петрова, определяет характер использования традиционных для нарвских изданий сюжетов и внесение новых. Рассмотрим это на примере легенды о ливонском рыцаре Индрике фон Беренгаупте, которая получает в книге новое звучание. Согласно этому преданию времен ливонской Нарвы, в нарвском замке жил рыцарь Индрик фон Беренгаупт вместе с женой и малолетним сыном.

Во время нападения русских на замок рыцарь защищает свой дом и семью, но, видя превосходство врагов и не желая, чтобы жена стала их добычей, он ее убивает. Сына рыцаря уводят русские воины. Движимый желанием отомстить русским за крушение своей жизни, Беренгаупт прорывает ход под рекой Наровой в Ивангородскую крепость. Там он встречает сына, но тот, воспитанный русскими, отказывается от жизни в чужой для него Нарве. Повторное столкновение русских и немцев в подземном ходе под Наровой заканчивается потопом и гибелью всех.

Рассказанная еще П. Р. Фурманом в 1845 г. и приведенная в очерке Ругодивцева, легенда преподносит события с точки зрения русских участников. Так, в трактовке П. Р. Фурмана Беренгаупт выступает в роли романтического злодея, потерявшего любовь и смысл жизни, которым движет лишь желание жестоко отомстить своим обидчикам [Фурман 1891]. В первоначальной версии предания рыцарь не знает, что его сын остался жив и воспитан русскими в Ивангороде. Поэтому мотив возвращения утраченного сына не руководит действиями Беренгаупта. Нападение ивангородцев на нарвский замок, приведшее к трагедии, у П. Р. Фурмана и Ругодивцева получает моральное оправдание: русские отвечают этой вылазкой на непрерывные грабежи их владений со стороны немецких рыцарей [Там же: 13; Ругодивцев: 15]. Действия русского боярина, ворвавшегося в дом рыцаря, также находят оправдание. Пораженный красотой женщины и питающий высокие чувства к ней, боярин объявляет себя ее защитником [Фурман 1891: 11–12]. Варварский поступок рыцаря, убивающего жену, не вызывает у повествователей сочувствия [Там же: 12]. Похищение русскими воинами сына Беренгаупта представлено как спасение мальчика от жестокости отца, готового убить собственного сына [Ругодивцев: 15]. Поведение повзрослевшего сына, отказавшегося от отца, также оправдано романтической и религиозно-культурной мотивировкой. Юноша влюблен в дочь русского воеводы, он воспитан в православной вере и чувствует себя по духу русским, а поэтому «чужим» в ливонской Нарве. В пересказе П. Р. Фурмана легенда заканчивается

упоминанием о вое ветра под сводами подземелий замка, который символизирует стоны «души Индрика, не находящей покоя» [Фурман 1891: 32].

Рассказанная А. В. Петровым легенда о Беренгаупте демонстрирует смену точки зрения повествователя. Симпатии рассказчика на стороне рыцаря. Рыцарь выступает в роли защитника своего дома и семьи, ставшего жертвой судьбы. Убийство жены изображено как крайняя мера, которая спасает женщину от надругательства врагов. Действия русских осуждаются, ими руководит лишь «жажда крови и добычи» [Петров 1901: 57]. Рыцарь роет подземный ход не только для того, чтобы отомстить врагам, но и чтобы вернуть сына. С этим новым мотивом связан и новый сюжетный поворот легенды. Накануне нападения немецких рыцарей на русскую крепость Индрик проникает к неприятелю и пытается спасти сына. Однако упорство юноши наносит последний удар отцу. Эгоистические чувства молодого человека одерживают верх над чувством милосердия: «Никакие увещания отца не могли сломить упорство сына: любовь победила жалость к старику, пожертвовавшему собою для спасения из плена своего любимого детища, любовь же стерла в пленнике всякое воспоминание о родной Ливонии» [Там же: 59]. Поведение сына осуждается не только с моральных позиций, но и с патриотических (герой выступает как отступник от родины). Закономерно, что концовка легенды повествует о стонах «души отцеубийцы, не находившей себе покоя» [Там же]. Будучи, по замыслу автора, иллюстрацией «характера воинственной эпохи», легенда передает этот дух времени не с точки зрения русского человека, для которого Нарва была враждебным городом, а с точки зрения нарвского горожанина, для которого немецкая культура была своей.

Книга А. В. Петрова утверждает ценность для истории Нарвы всех культурных влияний. Это определяло одинаковое внимание к каждой культурной составляющей города. Во внешнем облике города и его внутреннем устройстве автор находит сохранившиеся следы каждой эпохи. Например, рассказывая о шведском периоде Нарвы, он пишет: «Нарва пробыла под шведским владычеством до 1704 г., т.е. 123 года. Отсюда по-

нятен шведский облик Нарвы. Большинство сохранившихся доселе городских зданий как общественных, так и частных, с их плафонами, изразцами и мозаикой, шведского происхождения <...> Самое устройство городского управления в Нарве долгое время имело в основе принципы шведского городского права, а многие местные привилегии проистекали от щедрот шведских королей» [Петров 1901: 113–114].

Рассказ о каждой эпохе автор пытается иллюстрировать сохранившимися городскими преданиями. Характерно, что в отличие от более ранних изданий о Нарве, Петров включает в свою книгу все нарвские легенды, а не только те, которые были связаны с русским культурным элементом. Например, рассказ о том же шведском периоде автор иллюстрирует двумя преданиями: одно из них о дочери богатого нарвского купца, не по любви отданной замуж за сына короля, бросившейся в море и обратившейся в русалку; другое рассказывает о хранителе знамени Олафе, пожертвовавшем собой для его спасения, и о невесте, бросившейся вслед за женихом с городской стены.

А. В. Петров отмечает, что хранителями многих нарвских преданий являются городские жители («старожилы немцы и эсты»). Горожане в книге становятся создателями своей, легендарной истории города. По мысли автора, народные предания помогают лучше понять смысл происходивших в Нарве событий, перенестись в прошлое и пережить его изнутри. В очерке о Нарве в «Историческом вестнике» Петров писал по этому поводу: «Хотя в народных преданиях вообще вымысел переплетается с исторической истиною, однако в них, вместе с тем, наиболее ярко отражается колорит эпохи, обстановка жизни, нравы и тот своеобразный поэтический элемент, который невольно переносит в стародавнее время и заставляет переживать его интересы, волнения, радости и страдания» [Петров 1904: 590]. В своей книге автор выдерживает этот принцип параллельного изложения письменной и легендарной истории, ставший вообще нормой для дореволюционного нарвского путеводителя.

Историческое повествование А. В. Петров доводит до 1900 г. В качестве традиционной кульминации истории Нарвы

выступает 1704 г. Автор отмечает, какие отголоски имеют в Нарве события общероссийской истории. Завершается книга подробным очерком современной городской жизни, затрагивающим повседневные нужды горожан. Автору удается сохранить баланс между историей старой и новой Нарвы.

В 1907 г. появляется путеводитель по Нарве и ее окрестностям, изданный И. К. Грюнталем. Издание воспроизводит традиционный тип бедкеровских путеводителей, обращает на себя внимание своим практическим характером, что выражается в появлении объемных справочных отделов и рекламных листов. Другой особенностью становится объединение путеводителя по Нарве с путеводителем по нарвским окрестностям (прежде всего по гунгербургскому курорту). Путеводитель И. К. Грюнталя демонстрирует канон нарвского путеводителя, сложившийся в дореволюционной России.

История Нарвы разделена в путеводителе на два периода: история битв и войн со времени основания города до 1704 г. и история мирного существования после присоединения к России. Следы истории старой Нарвы и характер исторической борьбы хранят на себе памятники старины. Как «представители славянского и германского мира» выступают Ивангород и орденский замок [Грюнталь: 7]. История города находит отражение и в его топографии, которая носит национальный облик. Выделяются немецкая, шведская и русская части города: «Ивангородский форштадт <...> носит характер русского поселения. В нем нет неуклюжих, хотя и оригинальных, домов с черепичными кровлями, нет тесных и извилистых переулков, остроконечных вышек; вместо этого — много простора, много огородов, составляющих отличительную особенность русских поселений <...> В былое время правым берегом кончались русские владения, пока Петр Великий не пододвинул их к самому Балтийскому морю» [Грюнталь: 5–6]. Структурный и идейный центр путеводителя составляет рассказ о городских достопримечательностях, связанных с именем Петра I. Сообщение об истории памятников в издании И. К. Грюнталя дополняется преданиями и историческими анекдотами о Петре, уже известными читателям по более ранним книгам о Нарве.

Так, например, очерк об истории Спасо-Преображенского собора содержит предание о том, как Петр отнял у нарвских жителей все церкви в наказание за увлечение мирскими помыслами [Грюнталь: 14]. «Петровский текст» нарвского путеводителя включает и рассказ о городских обрядах, увековечивающих память о петровском времени (ежегодный крестный ход в нарвской крепости 9 августа в день взятия Петром Нарвы и панихиды на могиле павших воинов и во дворце Петра Великого).

К числу традиционно включаемых в нарвский путеводитель примечательных объектов относятся православные церкви Ивангорода. Эта часть путеводителя дополняет «петровский текст» и способствует формированию представлений о русской Нарве. Заметим при этом, что в текст не вошли очерки о лютеранских церквях города. Рассказ о нарвских православных святынях: иконе Божией Матери Одигитрии, хранящейся в Успенской Ивангородской церкви, и образе Святого Николая Чудотворца, хранящемся в Спасо-Преображенском соборе, завершает этот православный дискурс путеводителя. Рассказанное летописное предание о нарвском пожаре 1558 г., в котором остались невредимыми эти два образа, заостряет противопоставление русской и немецкой составляющих нарвского текста. Предание говорит о том, что один из жителей Нарвы («чудин» или немец) варил пиво (традиционное занятие немцев) и, «издеваясь над двумя православными иконами, оставленными новгородскими купцами, подбросил их в печь» [Там же: 16]. Однако иконы не сгорели, совершилось чудо: от огня загорелся дом и потом весь город. Пожаром воспользовались русские, переправились через реку и взяли Нарву. Это летописное предание о божественном предопределении судьбы города, которое рассказывается во всех нарвских путеводителях, способствует утверждению права русских на Нарву.

Современная Нарва изображена в путеводителе как развивающийся город, чему способствовало проведение железной дороги. Очерки о городских гимназиях, нарвском населении,

торговле и промышленности дополняют радужный портрет современной Нарвы.

Вышедшая в 1908 г. брошюра Е. Беллена «Особенности Нарвского края» стоит несколько в стороне от основной линии развития нарвского путеводителя, так как это было первое справочное издание по Нарве, преимущественно ориентированное на местную публику [Беллен]. В качестве основных задач своей брошюры автор видит влияние на городскую интеллигенцию, администрацию города и губернии. По своим жанровым признакам издание во многом напоминает политическую брошюру, излагающую программу мер и действий по благоустройству края. В то же время книга сохраняет черты справочного издания. Читатель не найдет в ней рассказа о нарвских достопримечательностях, хорошо известных местному жителю, зато в брошюре подробно описывается геология, климат, пути сообщения, характер населения нарвского края и др. специальные вопросы. Повествование об истории Нарвы и трактовка ее роли в истории России отражают общие черты более ранних изданий о Нарве. Характерно, что исторический очерк Е. Беллена, в соответствии с утвердившимися на рубеже веков идеями эстонского национального пробуждения, содержит рассказ о «Хозяйстве эстов в крае». При этом читатель получает сведения о религиозных воззрениях древних эстов, о национальном характере и особенностях ведения ими хозяйства.

Роль Нарвы в истории региона традиционно трактуется как посредническая между Западом и Востоком. Автор отмечает, что с 1558 г. Нарва становится для России «просветительным местом», проводником западной культуры, именно через Нарву в Россию проникают «человеколюбивые учения» [Там же: 56]. Существенно, что автор находит потенциал этого культурного обмена и в современной Нарве. Рассуждая о возможности учреждения новых учебных заведений и перенесения сюда одной высшей школы из столицы, Е. Беллен указывает на благоприятность культурной почвы Нарвы для вливаний западной культуры: «Очень благоприятную почву нашла бы между эстонским населением финляндская культура, так как

эстонское наречие мало отличается от финского и племенное родство сближает обе группы населения. Немецкая культура нашла бы благоприятную почву среди здешних немцев и их приверженцев — так как немецкое население края до сих пор имеет культурную связь с Германиею» [Беллен]. Поликультурный состав населения Нарвы, по мысли автора, является залогом продуктивности обмена традициями.

В 1911 г. В. Семан издает «Записной календарь и справочную книжку г. Нарвы» на следующий год [Семан]. Издание носило справочный характер, предоставляя читателю информацию исключительно практического характера (о пассажирском и товарном сообщении Нарвы, о гостиницах, клубах, врачебных заведениях, почтовых услугах и других городских учреждениях и т.д.). Историко-культурный раздел в этой книжке отсутствовал.

Подводя итоги, можно сказать, что сформировавшийся в дореволюционной России канон русского путеводителя по Нарве был призван закрепить в сознании читателя определенный комплекс представлений о городе. С одной стороны, Нарва описывается как русский город в силу ее принадлежности к Российской империи. На этом основании авторы противопоставляют старую Нарву другим городам Западной Европы. Нарва, в противоположность древним западноевропейским городам, осознается как своя, «родная» старина. К. К. Случевский удивляется, что русские путешественники обходят вниманием нарвскую старину, несмотря на близость ее к Петербургу и удобство железнодорожного сообщения [Случевский 1897: 211]. А. З. Муравьева в своем журнальном очерке о нарвских достопримечательностях ссылается на это замечание Случевского и иронизирует по поводу поведения русского туриста за границей: «Удивительная, право, черта русских: за границей они с благоговением осмотрят каждый уголок с его чуждыми нам достопримечательностями, а на свою родную старину не едут смотреть, хотя бы это было в четырех часах пути по железной дороге, как в настоящее время Нарва от Петербурга» [Муравьева: 401]. И. К. Грюнталь отмечает, что нарвский исторический ландшафт может соперничать с лю-

бым европейским [Грюнталь: 13]. Конечно, такие сопоставления представляли собой рекламный ход. И в то же время обращение к патриотическим чувствам заставляло русского читателя вспоминать эпизоды российской истории, связанные с Нарвой.

Образ русской Нарвы опирается, прежде всего, на историческую концепцию становления российского государства, «естественного» расширения его границ до пределов Балтийского моря. Авторы книг о Нарве неизменно пишут об исконных правах русских на эти территории балтийского поморья, а присоединение Нарвы к Российской империи рассматривают как акт возвращения своего исконного достояния. Русская Нарва для авторов — это, прежде всего, город петровского времени. Формирование «петровского текста» нарвского путеводителя закрепляет это представление.

С другой стороны, рассказ о роли города в истории государств Западной Европы способствует созданию в нарвском путеводителе представления о Нарве как о европейском городе. Заметим, что уже рекламное сопоставление Нарвы с другими городами Европы выявляло не только ее принадлежность России, но и черты средневекового европейского города. Об инокультурности, европейской составляющей Нарвы говорили архитектурные особенности города, его «немецкий» и «шведский» облик. Нарва была для русского автора немецким городом не только по своей внешности, но и по духу. К. К. Случевский, А. В. Петров, Е. Беллен и др. говорят о влиянии немцев и немецкой культуры на городскую жизнь.

На почве этих колебаний в культурной атрибуции города в дореволюционном путеводителе формируется концепция поликультурной Нарвы. Поликультурность города отмечалась в характере нарвского населения, которое составляли эстонцы, русские, немцы, финны, евреи, цыгане и другие народы. Столь же разнороден был состав нарвского населения по признаку вероисповедания. Представления о поликультурности города подкреплялось и его посреднической ролью в истории культурного общения Запада и Востока.

ЛИТЕРАТУРА

- Беллен: *Беллен Е.* Особенности Нарвского края. Нарва, 1908.
- Владимирский, Майков: *Владимирский В., Майков В.* Виды города Нарвы и его окрестностей. Нарва, 1886.
- Грюнталь: *Грюнталь И. К.* Иллюстрированная справочная книжка гор. Нарвы, курорта Гунгербурга и Шмецке и окрестностей. Нарва, 1907.
- Козакевич: *Козакевич П.* Город Нарва с морским его рейдом и рекою Наровою. СПб., 1878.
- Крузенштерн: *Крузенштерн Н.* Город Нарва: Историч. очерк. СПб., 1890.
- Максимович, Щекатов: Нарва // Максимович Л. М., Щекатов А. М. Географический словарь Российского государства: В 7 ч. М., 1801–1809. Ч. 4. 1805. С. 477–484.
- Муравьева: *Муравьева А. З.* Нарва и ее достопримечательности // Живописная Россия. 1901. 29 июля. № 30. С. 401–407.
- Петров 1900: *Петров А.* Нарва // Иллюстрация. 1900. 10 янв. № 18. С. 9–11.
- Петров 1901: *Петров А. В.* Город Нарва: Его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье. 1223–1900. СПб., 1901.
- Петров 1904: *Петров А. В.* Нарвская старина // Исторический вестник. СПб., 1904. Т. ХСVII. № 8. С. 587–606.
- Полунин: *Полунин Ф. А.* Нарва // Полунин Ф. А. Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. 199–201.
- Прибалтийский край: Прибалтийский край: Историч. очерк. Описание губерний Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. СПб., 1870.
- Пушкарев: *Пушкарев И.* Нарва // Пушкарев И. Описание Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1842. Ч. 4. С. 136–147.
- Ругодивцев: *Ругодивцев <Скроботов Н. А.>*. Город Нарва: Краткий очерк. СПб., 1873.
- Семан: *Семан В.* Записной календарь и справочная книжка г. Нарвы (1912). Нарва, 1911.
- Скроботов: *Н. С. <Скроботов Н. А.>*. Дворец Петра Великого в городе Нарве. СПб., 1872.
- Случевский 1890: *Случевский К. К.* Нарва: Ее былое и настоящее. СПб., 1890.

- Случевский 1897: *Случевский К. К.* Нарва // Случевский К. К. По северо-западу России: В 2 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 211–221.
- Странствователь: Странствователь по Прибалтийскому краю. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1861.
- Татлин: *Татлин Н. М.* Краткое извлечение их хроники города Нарвы и главные исторические события этого города с его основания. СПб., 1889.
- Феоктистов: *Феоктистов И.* Город Нарва: Историч. очерк. СПб., 1904.
- Фурман 1845: *Фурман П.* Путешествие по всей России // Иллюстрация. 1845. Т. 1. № 3. С. 36–40; № 4. С. 49–52.
- Фурман 1891: *Фурман П. Р.* Нарва: Нарвская легенда. Путевые заметки и впечатления. СПб., 1891.